

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ
И ЦЕРКОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ
В ТРУДАХ ПРАВОСЛАВНЫХ
УЧЕНЫХ

Святитель
ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

ИС 11-109-0911

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ И ЦЕРКОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ
В ТРУДАХ ПРАВОСЛАВНЫХ УЧЕНЫХ

СВЯТИТЕЛЬ
ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Сибирская Благовонница
Москва 2011

УДК 276
ББК 86.372-4
В 19+63.3-8

Руководитель проекта —
профессор, доктор церковной истории
А. И. СИДОРОВ

В 19 Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых. **Святитель Василий Великий.** — М.: Сибирская Благовонница, 2011. — 480 с.

ISBN 978-5-91362-470-3

Предлагаемая читателю книга продолжает серию «Святые отцы и церковные писатели в трудах православных ученых». Эта серия задумывалась как приложение к изданию «Полное собрание творений отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе» (ПСТСО). Вторая книга серии посвящена свт. Василию Великому (330–379) и, соответственно, является приложением к третьему и четвертому томам ПСТСО (первому и второму томам Творений св. Василия). В ее состав вошли 14 статей о свт. Василии Великом, в частности, таких дореволюционных и послереволюционных авторов (XIX — начала XX века), как архимандрит Порфирий (Попов), Н. И. Сагарда, А. А. Спасский, С. М. Зарин и др. Особое место занимают две работы архиепископа Василия (Кривошеина). В статьях освещена личность великого кашпадокийца с различных сторон: в них рассказывается об этапах жизни свт. Василия, о его многообразном и великом вкладе в христианское богословие, нравственно-аскетическом учении, проповедничестве и т. п.

Серия «Святые отцы и церковные писатели в трудах православных ученых» представляет ценность не только для специалистов в области богословия и студентов богословских учебных заведений, но и для всех читателей, ищущих духовного назидания.

УДК 276
ББК 86.372-4

ISBN 978-5-91362-470-3

© Сибирская Благовонница, составление, оформление, 2011

Архимандрит Порфирий (Попов)

ЖИЗНЬ СЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО,
АРХИЕПИСКОПА КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ¹

Глава I

Уважение к св. Василию в древней Церкви. — Знаменитость его предков и их благочестие. — Домашнее воспитание Василия у бабки Макрины. — Внушения матери его. — Предметы обучения в кесарийском училище. — Уроки в Константинополе и Афинах. — Прием Василию в афинском училище и первые его впечатления. — Образ жизни его здесь и дружба с Григорием Назианзином. — Прощание с училищем. — Взгляд сестры его Макрины на первые его занятия по возвращении из Афин. — Путешествие Василия по монастырям

Святитель Василий Великий принадлежит к числу тех пастырей Церкви, которые пользовались уважением и любовью не только при жизни своей от своих современников, но и по кончине своей от всех, для кого дорога была святая вера и кто умел ценить истинное благочестие. В день памяти Василия обыкновенно поется такой припев на 9-й песни

¹ Печатается по: Душеполезное чтение. 1864. I. № 1. С. 15–54; № 2. С. 113–143; № 3. С. 223–260.

Ссылки на страницы творений свт. Василия Великого здесь и далее в книге приводятся по изданию: *Свт. Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской*. Творения: В 2 т. М.: Сибирская Благовонница, 2008–2009. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 3, 4). (Далее — *Свт. Василий Великий*. Творения). — *Ред.*

канона: «Величай, душе моя, во иерарсех Василия Великого, вселенная пресветлаго светильника и украсившаго Святую Церковь». Эти слова — почти буквальное повторение отзыва о Василии Вселенских Соборов. Так, отцы Халкидонского Собора утвердили за ним название Великого. Отцы Второго Константинопольского собора, высказав мысль, что у кого естество одно, у того и воля и действие едино, прибавили: «Так нас научил светило вселенной, дивный Василий». Собор Трулльский в 32-м правиле также ясно говорит, что слава Василия прошла по всей вселенной; а похвальные отзывы о нем, встречающиеся в писаниях древних отцов и учителей, неисчислимы. Только нечестивый Евномий, арианский епископ, имел бесстыдство в своих апологиях называть Василия и хитрым, и коварным, и трусливым, и софистом и смеялся над тем, что он постоянно питался чечевицей и от продолжительных постов имел на лице постоянную бледность. Вопреки дерзким ругательствам этого еретика, все знаменитейшие пастыри Церкви никогда не считали себя способными восхвалить Василия по достоинству¹, и можно сказать сло-

¹ Вот отзыв о нем некоторых из них. Григорий Богослов писал о себе, что он лучше всех знает Василия; он называет его вождем жизни, учителем догматов, оком вселенной, палатою учености и всем, что ни сказал бы кто прекрасного (см.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 58 // *Свт. Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский*. Творения: В 2 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2007. Т. 2. С. 454; далее — *Свт. Григорий Богослов*. Творения.) В другом месте он говорит, что каждый преуспевает в чем-нибудь своем, а некоторые и в нескольких из многочисленных видов добродетелей; Василий же столько усовершенся во всем, что стал как бы образцовым произведением природы. Это именно был муж, к которому можно применить слова апостола: *Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9:22). Еще более подчеркивает Григорий важность и значение Василия, когда прибавляет, что это был муж — «единственная почти оставшаяся у нас искра истины и жизненная сила» (*Свт. Григорий Богослов*. Письмо 58 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 456). Григорий уверяет еще, что все слова Василия с невероятной быстротой делались известными во всем мире. Вот собственные выражения Григория, писавшего еще в то время, когда сам был пресвитером: «Я стою не на виду, многим неизвестен, иные почти и не знают, что мною бывает сказано и даже говорю ли я. О нем же [Василии] много речей, как о человеке, который известен и сам по себе, и по Церкви. Все сказанное им переходит в общую известность» (Там же. С. 456). К Василию питал высокое уважение и св. Афанасий Великий. Любовь св. Афанасия к св. Василию так была известна и несомненна, что Василий с уверенностью напоминал о ней преемнику Афанасия (см.: *Свт. Василий Великий*. Письмо 133. К Петру, архиепископу Александрийскому // *Свт. Василий Великий*. Творения. Т. 2. С. 642). А пять дошедших до нас писем Василия к Афана-

вами свт. Григория Богослова, что нет ни одной человеческой похвалы, которая бы не приличествовала Василию, и что он столько усовершенся во всем, что стал как бы образцовым произведением природы. Василия любила вся паства, уважало светское правительство, даже такой император, который был покровителем ариан; его знакомством дорожили ученые язычники, его превозносили похвалами современные ему епископы, известные своей верой и святостью жизни. Правая вера и добрые нравы пасомых, благоговение и умиленность богослужения, слава духовенства, утешение несчастных, благотворительность нуждающимся всякого рода, благосостояние всех православных Церквей и взаимное единение самих епископов, разделенных неосновательными подозрениями, — все это было предметом самой деятельной заботы Василия.

сию [61, 66, 67, 69, 80] показывают еще, что Василий с доверчивостью предлагал Афанасию иногда свои советы для устройства дел церковных и видел одобрителное внимание к своим предложениям. Из писем же самого Афанасия известно, что он с твердостью защищал Василия против подозрений в неправомыслии о Святом Духе. Вот собственные слова Афанасия: «Наши возлюбленные братья, смотря на цель Василия и приспособление к обстоятельствам, должны прославлять Господа за то, что он дал Каппадокии такого епископа, какого бы желала иметь всякая страна» (*Свт. Афанасий Великий. Послание к Палладию // Творения. Т. 3. СТСЛ., 1903. С. 366*). Григорий Нисский, при всей родственной близости к Василию, находил для себя всего лучшим называть Василия учителем, как будто это было собственное имя его брата, и в похвальном своем Слове сравнивает его с апостолом Павлом, Моисеем и Иоанном Крестителем. Если судить по писаниям Василия, то нельзя сказать, замечает Григорий, что он не был восхищен и до третьего неба, ибо он, подобно Павлу, проник в тайны Божества (*Свт. Григорий Нисский. Слово в день памяти св. Василия Великого // Свт. Григорий Нисский. Творения. М., 1871. Ч. 8. С. 296–327*). Ефрем Сирин считал также непрременным долгом возвестить о заслугах Василия своим соотечественникам и в Похвальном слове называет его самыми почтительными именами применительно к духу восточного красноречия, именно: он именует его основанием добродетелей, книгою похвал, жизнью чудес, драгоценным смычком духовной цевницы, услаждающим область святых Ангелов, и яслями догматов; кроме сего, Ефрем говорит, что поелику Василий возлежал всегда на Писаниях, отдыхал на апостольских пажитях, то слово его текло, как река, и речи его были подобны розе и лилии, шафрану и корице, что он восседал в ульях добродетелей и выделял мед Божественной и неукоризненной веры (*Преп. Ефрем Сирин. Похвальное слово иже во святых отцу нашему Василию Великому // Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 2. Сергиев Посад, 1908. С. 308–317.*). Св. Софроний Иерусалимский называл Василия славою и красотою Церкви, блж. Феодорит [Кирский] — светилом вселенной, Сократ [Схоластик] — опорой истины.

Не доставало к славе имени Василиева и дарований Святого Духа. Так, по его молитвам получил исцеление ипарх Модест¹. О прибытии в Кесарию св. Ефрема Сирина, по уверению сего последнего, Василий извещен был Духом Святым. Таким образом, если даже не признавать сказания о жизни Василия, которое помещено в славянских Четвях-Минях, подлинным сочинением свт. Амфилохия Иконийского, то отсюда еще нельзя заключить, что писатель, хотя бы это и не был Амфилохий, не имел в основании своих сказаний истинного предания.

Как бы то ни было, мы уверены, что для истинных чад Православной Церкви дороги и вожделенны всякие достоверные сказания о жизни и деяниях такого великого святителя, и потому соберем все сведения о нем из источников, достоверность которых не подлежит ни малейшему сомнению.

Василий Великий происходил по отцу и по матери из таких фамилий, о которых долгое время помнили и говорили каппадокийцы с великим уважением и благодарностью. Григорий Богослов не знал фамилий, в которых были бы столь часты примеры военачальства, народоправления, могущества при царских дворах, также богатства, гражданских почестей и блистательного красноречия, как в фамилии предков Василия. Но по суждению христианскому всего досточестнее должно быть в предках Василиевых их глубокое благочестие. В гонение Максиминово² дед его по матери скончался мученическою смертью за имя Христово, а дед по отцу лишен был имения и со всем своим семейством, немногими знакомыми и слугами семь лет укрывался в лесу на горах понтийских. Их страдания на открытом воздухе были для них тем тяжелее, чем в большем довольстве жили они до гонения. При этом, естественно, им приходилось терпеть недостаток и скудость в пище. Но Бог, по молитвам и желанию их, говорит св. Григорий Богослов, посылал им, впрочем, иногда нечто и к услаждению. Так, утомленные временем и ослабевшие от продолжительного поста и сухоядения, они пожелали однажды мясной пищи и для сего решились выйти на звериную ловлю, но наперед с простотою веры открыли пред Богом свои

¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Свт. Григорий Богослов. Творения.* Т. 1. С. 537–538.

² Максимин Дайя (Даза) — римский император-соправитель (умер в 313 г.); с особой жестокостью преследовал христиан. — *Ред.*

желания и молитвенно воспомянули все чудеса, совершенные Моисеем в пустыне аравийской. И что же? Едва только вышли на охоту, говорит Григорий Богослов, вскоре неведомо откуда взялись на холмах олени. И какие рослые, какие тучные, как охотно поспешающие на заклятие! Можно было подумать, что они негодуют, почему не прежде были вызваны. Никто не гнал, не понуждал их. Они связаны были молитвою и праведным прошением. После сего пустынники стали еще ревностнее к тому подвигу, за который получили такую награду, то есть к молитве¹. Эти высокие христианские добродетели — терпение, вера, пламенная молитва, пример которых имел пред своими глазами отец Василия (по имени также Василий), перешли и к сыну и прочим членам семейства, коих всех было до десяти человек. Некоторые из них стали епископами, как Василий, Григорий и Петр, некоторые — девственниками, а некоторые, говорит Григорий Богослов, обязались и супружеством, впрочем, так, что и супружеская жизнь не воспрепятствовала им наравне с первыми преуспеть в добродетели.

Старший между братьями, Василий родился в то время (именно в 329 году), когда свт. Афанасий уже успел стяжать себе славу поборника Православия и уже с год управлял Церковью Александрийскою в сане епископа. Еще во дни младенчества тяжкая болезнь угрожала Василию смертью, но по молитвам отца он вскоре выздоровел и был поручен руководству бабки своей — Макрины, которая жила в сельском уединении близ Неокесарии. Чему и как она обучала внука, взяв его из дома отеческого в первые лета детства, об этом можно судить по тому, что свт. Василий впоследствии, как на лучшее доказательство правоты своей веры, указывал на первоначальное свое воспитание в доме Макрины. Вот его слова: «О вере же моей какое доказательство может быть яснее того, что воспитан я бабукою, блаженною женою? Говорю о знаменитой Макрине, от которой заучил я изречения блаженного Григория Неокесарийского, сохранившиеся до нее по преемству памяти, и которые и сама она соблюдала, и во мне еще с малолетства напечатлевала, образуя меня догматами благочестия»². По возвращении его от бабки

¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 513. — Ред.*

² Ср.: *Свт. Василий Великий. Письмо 204. К неокесарийцам // Свт. Василий Великий. Творения. Т. 2. С. 751.*

в дом родительский сами родители занялись образованием сына. Отец Василия еще до рукоположения во священника славился своим красноречием, а потому он ознакомил сына с началами риторики. Но, кроме того, он продолжал и учение, начатое бабкою. В одном письме (236-м)¹ свт. Василий пишет, что еще в детстве слышал от отца о том, в каком смысле говорится, что Иисус Христос не знает дня и часа кончины мира. Мать Василия Эммелия более занималась образованием его сердца и помогала ему при чтении Священного Писания. По свидетельству Григория Нисского, сестра Василия Макрина под руководством матери изучала притчи Соломоновы и так полюбила книгу Псалмов, что вставала ли с ложа, принималась ли за учение, отдыхала ли пред обедом и после обеда, идучи ко сну, стоя на молитве, — везде она имела при себе Псалтирь, как добрую спутницу, которая нигде не отлучается от своей подруги. Так же, конечно, мать обучала и сына. Поэтому, указывая на домашнее воспитание, св. Василий писал о себе: «Я с младенчества стал изучать Священное Писание и не переменил впоследствии мыслей о Боге; но то понятие о предметах веры, какое приобрел с детства от отца и матери моей и бабки Макрины, то понятие возросло во мне, и я усовершенствовал только преподанные ими мне начала»².

Еще в юношеских годах ясно определилось благочестивое настроение Василия. По выражению Григория Богослова, он с ревностью молодого коня стремился к добродетели и не отставал от старших в высоких порывах добродетели. Посему родители Василия не усомнились для дальнейшего образования отправить его к языческим наставникам, несмотря на то что он еще не был крещен. Родину Василия и место будущего его служения, Кесарию, можно было назвать с Григорием Богословом митрополией наук³, так что если бы кто лишил ее первенства в науках, то отнял бы у нее самую лучшую ее собственность. Сюда-то, в кесарийские училища, после домашнего образования и отправлен был Василий из Неокесарии — места временного пребывания его родителей. Здесь вскоре превзошел он своих товарищей во всяком

¹ *Свт. Василий Великий. Письмо 236. К Амфилохию // Свт. Василий Великий. Творения. Т. 2. С. 821–822.*

² Ср.: *Свт. Василий Великий. Письмо 223. Против Евстафия Севастийского // Там же. С. 793.*

³ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 517. — Ред.*

роде сведений и поравнялся с учителями, приобрел большую славу и у простолюдинов, и у первостепенных граждан, потому что обнаруживал в себе ученость выше возраста и твердость нрава выше учености. Он был, по словам Григория Богослова, ритором между риторамии еще до кафедры софиста, философом между философами еще до выслушания философских положений, а что всего важнее — иереем для христиан еще до священства¹. Тогдашний архиепископ Кесарийский Дианий также показывал предпочтительное расположение к Василию. В Кесарии же Каппадокийской положил начало своему научному образованию и свт. Григорий Богослов. Во вновь поступившем в школу товарище Григорий скоро заметил, по его собственному выражению, отрешение от мира и пребывание с Богом, и это побудило его предпочесть Василия всем другим товарищам. Из Кесарии, увлекаемый жаждою познаний, Василий отправился в Константинополь, потому что Византия также славилась совершеннейшими софистами и философами, и при естественной своей даровитости в короткое время собрал у них все отличнейшее. Здесь одним из учителей Василия был ритор Ливаний², который любил своего ученика самой живейшей любовью. Но Афины, отечество Платона и Демосфена, были в это время самой высшей обителью наук, куда стекались ревнители учености со всех концов империи. В эту эпоху, граничившую с эпохой упадка наук и искусств, умирающий эллинизм напрягал все последние свои силы; здешние софисты всеми приемами своего красноречия старались привлекать к себе юношество, со всем усилием раскрывали изящество древних произведений поэзии и высокое значение философии, придавали глубокий нравственный смысл самым безнравственным мифам. В Афинском училище некоторые с особенной ревностью занимались софистикой, имея в виду главным образом борьбу с христианством. При всем этом в это лучшее училище словесности, хотя и языческое, стекались дети и христианских родителей, подобно тому как некогда русские православного исповедания отдавали детей своих в коллегии иезуитов; в Афины стремился и Василий, но с целью принести плоды

¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 517.*

² Ливаний (Либаний) (314 – около 393) — языческий ритор, живший в Антиохии, известный представитель так называемой второй софистики. — *Ред.*

образования в жертву евангельскому учению. Здесь уже ожидал Василия кесарийский приятель и готовил ему доказательство истинной дружбы. Ждали здесь Василия и многие другие, и притом с обширными и великими надеждами; имя его еще до прибытия повторялось в устах многих. Но нужна была вся предупредительность Григория, чтобы удовольствие видеть себя предметом общего расположения не было отравлено Василию некоторыми странными обрядами, которых держалось тогда Афинское училище и которые сами собой напоминают знающим множество дурачеств в средневековой жизни университетов европейских. Всякий новопоступающий подвергался этим унижительным обрядам и невольно делался посмешищем при первой неосторожности. Для Василия, искавшего одной истины и постоянно благоговейного, это было бы нестерпимо, и, может быть, он лучше решил бы отказаться от намерения быть афинским студентом, нежели сделаться предметом глупых шалостей, какие позволяли себе афинские юноши. Пример этих шалостей свт. Григорий указывает в грубом приеме всякого, кто только являлся в Афины для обучения. Ученики софистов, не только незначительного рода и имени, но и благородные, получившие уже известность, в торжественном сопровождении отводили новоприбывшего через площадь в баню, а подходя к ней, поднимали громкий крик и начинали плясать как исступленные; затем, после продолжительной пляски, заставляли новичка выломать двери в баню и только при этом условии давали новичку свободу и встречали его из бани как человека с ними равного и включенного в их братство. Зная дурные привычки своих товарищей, Григорий убедил обходиться с Василием уважительнее, и следствием сего было то, что почти он один из прибывших принят был без обычных дурачеств. Кроме сего, в Афинах были и такие из прежних знакомых и даже приятелей Василия, которые встретили его со злобною завистью. Так отзывается свт. Григорий о пришельцах из Армении: они вскоре по прибытии Василия вступили с ним в какой-то ученый спор, в котором твердо надеялись одержать над ним верх, и на первый раз желали представить его человеком, не понимающим самых простых истин. Не подозревая низости побуждений, сам Григорий сначала поддерживал сторону противников Василия и, придав им силу своим вмешательством, ввел в битву равные силы; но когда же заметил цель собеседования, то каким-то нечаянным изворотом дал возможность Василию одержать победу над своими соперниками. Василий понял,

в чем дело, и, исполненный ревности, перестал поражать, по выражению Григория, отважных смельчаков своими силлогизмами не прежде, чем принудил их к совершенному бегству и решительно взял над ними верх. Эти два случая убедили Василия в преданности Григория, и они постепенно теснее и теснее соединялись между собою узами дружбы.

Но при всем видимом уважении, с каким встретила Василия большая часть афинских студентов, и несмотря на победу над завистниками, Афины сначала произвели на Василия неприятное впечатление. Когда, надеясь великого, вдруг получаем ожидаемое, тогда оно кажется нам ниже составленного мнения. Василий подвергся, говорит Григорий Богослов, именно этой человеческой немощи, сделался печален, стал скорбеть духом, готов был осуждать сам себя за приезд в Афины и называл Афины обманчивым блаженством. Приближенный друг поспешил внушить ему в этом состоянии раздумья и грусти, что ни о людях, ни об уроках учителей не должно судить по первым впечатлениям, напомнил ему о том, что как характер человека может быть изведен не вдруг, но только с продолжением времени и при обращении совершенно коротком, так и ученость познается не по немногим и не по маловажным опытам. Напоминание об этих простых истинах рассеяло большую часть скорби Василия; он успокоился и около четырех или пяти лет слушал уроки языческих учителей и афинских софистов, особенно Имерия и Проэресия. О занятиях Василия и успехах в науках Григорий выражается таким образом: «У него не отставали друг от друга и прилежание, и даровитость, от которых знания и искусства получают силу... Грамматика, риторика, астрономия, философия, по преимуществу нравственная, музыка, физика, медицина и естественная история были изучены им с такой основательностью, с какой другой не изучает и одного предмета; каждую изучал он до такого совершенства, как бы не учился ничему другому»¹.

Когда по прошествии некоторого времени, говорит Григорий Богослов, «открыли мы друг другу и желания свои, и предмет оных — любомудрие, тогда уже стали друг для друга все: и товарищи, и со-трапезники, и родные; одну имея цель, мы непрестанно возрастали в пламенной любви друг к другу... Оба мы домогались не того, чтобы

¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 43 // Свт. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 522–523.*

которому из нас самому стать первым, но каким бы образом уступить первенство друг другу, потому что каждый из нас славу друга почитал собственной славою. Казалось, что одна душа в обоих поддерживает два тела. И хотя не заслуживают вероятия утверждающие, что все разлито во всем, однако же должно поверить нам, что мы были один в другом и один у другого. У обоих нас одно было упражнение — добродетель и одно усилие — до отшествия отсюда, отрешаясь от здешнего, жить для будущих надежд. К сей цели мы направляли всю жизнь и деятельность и поощряли друг друга к добродетели... Мы вели дружбу и с товарищами, но не с наглыми, а с целомудренными, не с задорными, а с миролюбивыми, с которыми можно было не без пользы сойтись. Ибо мы знали, что легче заимствовать порок, нежели передать добродетель, так как скорее заразишься болезнью, нежели сообщишь другому свое здоровье. Что касается до уроков, то мы любили не столько приятнейшие, сколько совершеннейшие. Нам известны были две дороги: одна — это первая и превосходнейшая — вела к нашим священным храмам, куда ходили по преимуществу слушать христианские наставления, другая вела к наставникам наук внешних. Другие же дороги — на праздники, в зрелища, в народные стечения на пиршества — предоставляли желающим. Ибо не почитали достойным внимания того, что не ведет к добродетели и не делает лучшим своего любителя. У других бывают иные прозвания, или отцовские или свои, по роду собственного звания и занятия; но у нас одно великое дело и имя — быть и именоваться христианами... Для других душепагубны Афины, потому что изобилуют худым богатством — идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе, так что трудно не увлечься за другими, которые их защищают и хвалят; однако же не было от них никакого вреда для нас с Василием. Напротив того, живя в Афинах, мы утвердились в вере, потому что узнали обманчивость и лживость идолов, и научились презирать демонов там, где им удивляются; и ежели действительно есть или только в народном веровании существуют такая река, которая сладка, когда течет и чрез море, и такое животное, которое прыгает в огне всеистребляющем, то мы походили на это в кругу своих сверстников... Чрез сие самое приобрели мы не только известность у своих наставников и товарищей, но и в целой Элладе, особенно у знатнейших мужей Эллады. Слух о нас доходил и за пределы ее, как делалось это явно из рассказа о том многих. Ибо кто только

знал Афины, тот слышал и говорил о наших наставниках, а кто знал наших наставников, тот слышал и говорил о нас»¹.

К концу пятилетнего пребывания в Афинах Василий достиг двадцатипятилетнего возраста. Надобно было возвращаться на родину. Настал день отъезда, и, как обыкновенно бывает при отъездах, начались, говорит Григорий Богослов, прощальные речи, проводы, упрашивания остаться, рыдания, объятия, слезы. Василия и Григория окружила толпа друзей и сверстников, между ними были некоторые и из учителей; те и другие уверяли, что ни под каким видом не отпустят их из Афин, и после просьб и убеждений прибегли даже и к мерам принудительным. Григорий не мог отказать таким живым и искренним выражениям душевной к нему приязни. Василий остался непреклонным, и удерживавшие против воли согласились на его отъезд. Он возвращался, по словам Григория Богослова, как корабль, столько нагруженный ученостью, сколько сие вместительно для человеческой природы. Но при всем этом он хотел еще ознакомиться с философией Евстафия, вероятно, ученика Ямвлихова, своего соотечественника; впрочем, не нашел его ни в Константинополе, ни в Кесарии и принужден был отказаться от своего желания².

По возвращении в дом родительский Василию самому предстояло теперь звание учителя: и Кесария, и Неокесария убедительно просили Василия принять на себя образование юношества. Из Неокесарии явилось к ученику Ливания с этим предложением посольство из почетных граждан; все, толпою окружив его, употребляли всевозможные убеждения, высказывали многие и очень лестные обещания, но он не принял предложений. Отечественному же городу он не мог отказать в подобной просьбе; платя дань миру, дал несколько публичных чтений в кесарийской школе, и эти чтения сопровождались шумными рукоплесканиями. Но после этих опытов блистательного красноречия родная сестра Василия, строгая девственница и подвижница Макрина, стала думать, что афинская ученость породила в ее брате излишнее о себе мнение; в надежде смирить это самомнение она вместе с матерью поспешила

¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 43 // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 1. С. 521.

² См.: *Свт. Василий Великий*. Письмо 1. К Евстафию, философу // *Свт. Василий Великий*. Творения. Т. 2. С. 441.

оторвать брата от обольстительного, по ее мнению, поприща. Отец Василия скончался года за три до возвращения Василия из Афин; внушения любимой старшей сестры, подкрепляемые советом матери и именем почившего отца, должны были сильно подействовать на душу Василия, да и сам по себе он не имел расположения жить для зрелища или напоказ и не дорожил рукоплесканиями учеников и слушателей. Итак, вскоре отказался он от публичных чтений, а вскоре за сим поспешил очистить себя от всех грехов, приняв Святое Крещение, вероятно, от кесарийского архиепископа Диания.

Образ жизни и занятий после крещения предначертан был по взаимному совещанию с Григорием еще в Афинах. Именно еще здесь они изъявили решительное желание по возвращении из Афин посвятить себя монашеской жизни в какой-нибудь пустыне и никогда не разлучаться друг с другом. Теперь надлежало только позаботиться об исполнении обещания, высказанного другу. Но Григорий, сверх всякого ожидания, прислал письмо, в котором читались такие слова: «Признаюсь, изменил я обещанию жить и любомудрствовать вместе с тобою, как дал слово еще в Афинах во время тамошней дружбы и тамошнего слияния сердец... Но изменил не добровольно, а потому что закон, повелевающий прислуживать родителям, превозмог над законом товарищества и взаимной привычки. Впрочем, и в этом не изменю совершенно, если ты будешь согласен на то же самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты сам благоволишь навещать меня, чтобы все было у нас общее и права дружбы остались равночестными»¹. Тяжело было слышать о такой перемене мыслей, но нельзя было осуждать за нее, по уважению к долгу детей в отношении к родителям. Притом письменные сношения показали, что только на время отлагает Григорий исполнение своего обещания. Оставленный другом, Василий почел за нужное предварительно посетить палестинских и египетских пустынножителей для того, как сам говорит, чтобы научиться от них, как не заботиться о мирской жизни и не вдаваться душою ни в какое пристрастие². Весь 357 год прошел в путешествиях уже не для научного

¹ Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Письмо 1. К Василию Великому // *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Т. 2. С. 417.

² См.: *Свт. Василий Великий*. Письмо 223. Против Евстафия Севастийского // *Свт. Василий Великий*. Творения. Т. 2. С. 791.

образования, как прежде, но для изучения жизни подвижнической. Александрия, Фиваида, Килисирия, Месопотамия представили ему множество примеров изумительного самоотвержения, неутомимых молитв и подвигов любви. В его душе совершенно утвердилось желание подражать житию таких людей, каковы были сиявшие в то время в мире иноческом Пахомий, два Макария, Пафнутий и сонмы их сподвижников. К тому же он не терял еще надежды на то, что и Григория в непродолжительном времени привлечет на свою сторону. Но и рассказы о впечатлениях, какие произвело на Василия путешествие по иноческим пустыням, не могли отклонить Григория от попечения о родителях, нуждавшихся в его содействии. Василий решился один принять на себя все заботы об устройении монастыря и предначатии подвижнической жизни, по примеру виденных им пустынножителей. Его беседы с неокесарийцами и каппадокийцами вскоре нашли ему подражателей и соучастников в образе жизни.

Глава II

*Местоположение пустыни Василиевой. —
Ответ Григория Богослова на приглашение
в эту пустыню. — Занятия Василия в пустыне
и отзыв Григория о здешней жизни. — Первые
подвиги ревности Василия в борьбе с арианами. —
Противодействие его замыслам Юлиана. —
Посвящение Василия во пресвитера
и письмо к нему по сему случаю Григория. —
Огорчения Василию со стороны Кесарийского
епископа. — Противодействие Василия арианам,
покушавшимся ввести свою ересь в Кесарии. —
Заботливость Василия о своих пасомых во время
голода и о присоединении к Православной Церкви
полуариан*

В Понте, недалеко от Неокесарии и Черного моря, на диких берегах реки Ирса, в своих собственных дачах жили благочестивая Эммелия, мать Василия, и святая Макрина, сестра его, окруженные

собором женщин, давших обет безбрачной жизни. Противоположная берегу гора, заросшая густым лесом, представляла все удобства для основания мужского монастыря. Здесь и поселился Василий с учениками, которые прежде других вняли его увещаниям и советам. Избранное место вполне соответствовало его желаниям. Поэтому в одном из писем к Григорию, живописно изображая свою пустыню, эту колыбель восточного монашества, он шутливо смеялся над Тиверином, местопребыванием Григория, загородным селением близ Назианза.

Вот извлечение из этого замечательного письма: «Пора уже мне удалиться в Понт, где напоследок, если угодно Богу, положу, может быть, конец своему скитанию. С трудом отказавшись от напрасных надежд, какие имел некогда на тебя, иду теперь в Понт учиться, как жить. Здесь, конечно, указывает мне Бог место, в точности соответствующее моему нраву. Это высокая гора, покрытая частым лесом, на северной стороне орошаемая холодными и прозрачными водами, но под горою стелется покатая долина, непрестанно утучняемая влагами из горы. Кругом долины сам собою выросший лес из различных всякого рода деревьев служит ей как бы оградой. С двух сторон прорыты глубокие овраги, а сбоку река служит также непрерывной и неприступной стеной. Поелику же гора тянется в обе стороны и луковидными изгибами примыкает к оврагам, то доступы в подгорье заграждены. Один только есть в него вход, которым владеем мы. За местом нашего жительства есть другой гребень, возвышенную свою вершину подъемлющий над горою, и с него вся вершина развертывается перед взором. С высоты можно видеть и текущую мимо равнины реку; эта река, будучи быстрее всех мне известных, свирепеет несколько при соседнем утесе и, отражаясь от оногo, кружится в глубоком водовороте, чем доставляет мне и всякому зрителю весьма приятный вид; в пучинах своих она питает и неисчислимое множество рыб. Нужно ли говорить о земной прохладе, о ветерках с реки? Множеству цветов и певчих птиц пусть дивится кто другой, а у меня нет досужего времени обращать на это внимание. Из всего, что могу сказать о своем убежище, наиболее важно то, что, по удобству положения будучи способно произращать всякие плоды, для меня оно возвращает сладостнейший из плодов — безмолвие, потому что не только освобождает от городских мятежей, но и не заводит к нам ни одного путника, кроме встречающихся с нами на звериной ловле. Ибо сверх всего прочего здесь водятся и звери, впрочем, не медведи или

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Архимандрит Порфирий (Попов). Жизнь святого Василия Беликого, архиепископа Кесарии Каппадокийской</i>	<i>7</i>
<i>Н. И. Сагарда. Учение о Святой Троице святого Василия Великого</i>	<i>73</i>
<i>А. А. Спасский. Учение каппадокийцев о единстве Святой Троицы</i>	<i>87</i>
<i>С. М. Зарин. Учение святого Василия Великого о Святом Духе.....</i>	<i>101</i>
<i>Архиепископ Василий (Кривошеин). Проблема познаваемости Бога: сущность и энергия у святого Василия Великого</i>	<i>129</i>
<i>П. Смирнов. Сущность зла по учению святого Василия Великого</i>	<i>138</i>
<i>Н. Примогенов. Устав иноческой жизни Василия Великого и сравнение его с уставом святого Пахомия</i>	<i>151</i>
<i>С. Рункевич. О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого.....</i>	<i>185</i>

<i>П. П.</i> ЧТО ТАКОЕ АСКЕТИЗМ?.....	274
<i>А. В. Вадковский.</i> Святой Василий Великий, ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЕ ТРУДЫ.....	309
<i>Архиепископ Василий (Кривошеин).</i> ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ СВЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО.....	384
<i>Т. Налимов.</i> ПРИЧИНЫ РАЗДЕЛЕНИЙ В ЦЕРКВИ ПО ВОЗЗРЕНИЮ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО.....	414
<i>М. Васильев.</i> ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ РИМСКИХ ЕПИСКОПОВ В ЦЕРКВИ ПО УЧЕНИЮ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО	438
<i>А. Деревицкий.</i> ПЛУТАРХ ХЕРОНЕЙСКИЙ И СВЯТОЙ ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ	450
СОКРАЩЕНИЯ	475